

С. Т. Еремян

О РАБСТВЕ И РАБОВЛАДЕНИИ В ДРЕВНЕЙ АРМЕНИИ

Изучение общественного строя Армении эллинистической эпохи имеет исключительное значение. В этот период был завершен в основном процесс разложения первобытно-общинного строя, а процесс становления государства закончился при Тигране II территориальным объединением всех армянских земель в единое государство — Великую Армению. С этими процессами неразрывно связан и ими обусловлен процесс сращения армянского народа и языка.

Завершение процесса становления государства, обусловленное непримиримыми классовыми противоречиями, способствовало дальнейшему развитию рабства по пути к рабовладению античного латифундиального типа и появлению городских центров эллинистического типа, вовлеченных в мировую транзитную торговлю. Этой социальной и экономической базой был обусловлен взлет армянской эллинистической культуры, смертельный удар которой нанесла внедрившаяся в Армению христианская церковь, сама являвшаяся, кстати сказать, продуктом дальнейшего развития и разложения того же эллинистического общества.

В настоящей статье мы ставим своей целью выяснить вопрос о существовании частновладельческих хозяйств латифундиального типа в Армении в период царствования династии Арташесидов (189—1 гг. до н. э.) и Аршакидов (63—428 гг. н. э.) и тесно связанный с этим вопрос эксплуатации рабского труда и источников рабства. Положительное разрешение этих вопросов подводит реальную базу для выяснения характеристики основного способа производства в указанный период.

Наша задача осложняется крайней скудостью археологического материала и отсутствием памятников письменности на местном языке вплоть до V столетия. Это обстоятельство заставляет нас придерживаться определенного метода. Пользуясь свидетельствами греческих и латинских источников, мы стараемся по мере возможности сопоставить их данные с известиями армянских и грузинских авторов V—VII вв. Армянская историография этой эпохи является продуктом феодальной общественности и отражает идеологию нового господствующего класса — нахараров и церкви, но это был период, когда в раннефеодальном обществе еще не были преодолены пережитки дофеодального общества, что дает нам возможность выяснить основные черты общественного строя Армении в период Арташесидов и Аршакидов. На помощь нам приходит также филологический анализ социальных терминов древнейших переводных памятников на армянском и грузинском языках.

* * *

Вопрос о рабовладении и рабовладельческом обществе в древней Армении дореволюционное и зарубежное буржуазное арменоведение не ставило и не могло ставить. Впервые этот вопрос приобрел актуальность и остроту в советской историографии. С выяснением этого вопроса тесно связана проблема становления армянской государственности и генезиса феодального общества в древней Армении.

В советской историографии первое развернутое исследование о рабстве в древней Армении дал проф. Х. Самуэлян в статье «Рабство в древней Армении»¹, которую затем почти полностью включил в свой большой труд «История древнего армянского права» (т. I, Ереван, 1939, на арм. яз.). Автор впервые обращает внимание на разбросанные в армянской феодальной историографии многочисленные сведения о рабстве и рабовладении в древней и средневековой Армении. Однако Х. Самуэлян исходит из предвзятого мнения об извечном феодализме в древней Армении, и направляющиеся на более решительные выводы факты он пытается примирить со своей неправильной исходной позицией. Х. Самуэлян во втором разделе труда «История древнего армянского права», озаглавленном «Периоды развития армянского права», открывая раздел главой «Нахарарское право» (стр. 101), пишет буквально следующее: «Насколько до сих пор известно по дошедшим до нас данным, общественный строй армян, начиная с момента их появления на политической арене вплоть до XVIII в., был феодальным (подчеркнуто нами. — С. Е.). Способ производства этого общества был основан на феодальной эксплуатации». Исходя из этого положения, Х. Самуэлян, касаясь рабства в древней Армении, приходит к следующему утверждению: «Наличие в феодальной Армении² рабовладельческого института является пережитком того исторического момента, когда рабовладение не доросло и не вылилось еще в определенную общественно-экономическую формацию. Оно продолжало в примитивной форме своего застывшего развития занимать в экономике феодального общества известное место как полезный придаток к основной эксплуатируемой массе пинаканов» (стр. 363).

В настоящее время среди советских исследователей мало найдется таких, которые утверждали бы, что Армения эпохи Ахеменидов — феодализирующаяся страна; общественный строй Армении в эллинистическо-римское время все чаще рассматривается как дофеодальный, как феодализирующееся общество.

Исследованиями советских историков доказано, что в древней Армении существовала сельская община со всеми специфическими чертами восточной общины; в этом вопросе нет разногласий. Но вопрос о существовании рядом с сельской общиной частновладельческих хозяйств, в которых основными производителями были рабы, остается пока еще спорным. Нашей целью является попытка внести ясность в этот вопрос.

Для обозначения частновладельческого хозяйства в древней Армении доарабского периода существовало два синонимных, но генетически различных, термина: *agarak агарак* и *dastakert дастакерт*.

Термин *агарак* восходит к сумеро-аккадскому *агар* (или *акар*) со значением «посев, пахотное поле, луг». В армянском языке *агарак*, в от-

¹ «Вестник Института истории и литературы Арм. ССР», кн. II, Ереван, 1938 (на арм. яз.).

² Как видим, в понятие «феодальная Армения» он включает также периоды ахеменидский и эллинистический.

личие от общинной земли, получает определенный смысл, как название частновладельческой земли, частновладельческого хозяйства, усадьбы с пахотными полями, имения, поместья и, наконец, позже, поселения. Таким образом, *агарак* соответствует греческому ἀγροικία — «загородное поместье, усадьба». Для нашей цели представляет огромный интерес тот факт, что этот термин в греческой форме ἀγροικία (либо в армянской форме, но в греческой транскрипции ἀγαρχί) встречается в новонайденной греческой надписи из армянской крепости Гарни, датированной 77 г. н. э.¹ Последний факт дает нам возможность документировать наличие в Армении агараков еще в I в. н. э. В древнейших памятниках армянской письменности работающие в агараках непосредственные производители обозначаются термином *мэ́шак мша́к* (mēšakq agarakin).

Касаясь вопроса отличия *гевл*-а — селения от *агарака*, проф. Х. Самуэлян вполне правильно замечает: «Если эксплуатируемые «гюх»-а («гевл»-а) были шинаканами или крепостными, то эксплуатируемые в агараках могли быть лишь рабы, которые находились в непосредственном распоряжении... господина»².

В позднеэллинистический период, по мере углубления процесса феодализации и развития колоната, непосредственные производители агарака — «жители агарака» (bənakiθq agarakin) — *мшаки* все больше прикреплялись к земле. Они переходили на положение приписных колонов и земледельческих рабов, а земли (агараки), занятые ими, превращались в сельские поселения. Агарак в IV в. обыкновенно представлял собою поселение сельского типа, жители которого, однако, находились в более приниженном положении, нежели жители *гевл*-ов и *шэн*-ов и городов³. Из сказанного следует, что термин *агарак* эволюционировал от понятия поля, посева, пахотного поля к имению, усадьбе, поместью и сельскому поселению⁴. По сообщению Агафангела (гл. 119), после принятия христианства царь Трдат III (287—332 гг. н. э.) пожаловал сельскому духовенству «в поселках — агараках по четыре, а в городках — аванах по семи подымных земель для служения священничеству». Этот факт также указывает на более приниженное положение жителей агарака.

Равнозначным агараку термином является *dastakert дастакерт*, который восходит к древнеперсидскому *dastakrta* и пехлевийскому *dastkart*, что буквально означает «рукой» (*dasta*) «сотворенный» (*kart*), поэтому древние армяне этот термин переводили словом *ḍerakert дзеракерт*. По армянским источникам, *дастакерт* представляет собою имение, большое хозяйство с усадьбой, поместье, виллу или дворец со службами. Как замечает акад. Я. А. Манандян, в период Аршакидов и позже *дастакертами* назывались «виллы и усадьбы Аршакидов и феодалов, окруженные цветниками, садами и пахотными полями» (ук. соч., стр. 5). Приведем несколько наиболее характерных свидетельств армянских историков, дающих понятие о том, что собою представлял *дастакерт*.

«Мне приятно рассказать и о прекрасном *дастакерте* Еруандакерте, который сам же Еруанд украсил красивыми и дивными постройками. Он заполнил средину большой долины населением и блестящими зданиями, светлыми, как зеница ока. А вокруг населенной части он устроил благо-

¹ См. К. В. Тревер, Надпись о построении армянской крепости Гарни, Лгрд., 1949, стр. 12.

² Проф. Х. Самуэлян, История древнего армянского права, стр. 295.

³ См. Я. А. Манандян, Проблема общественного строя доаршакидской Армении, ИЗ, № 15 (1945), стр. 4.

⁴ По настоящее время в Армении (как и в Грузии) можно встретить селения с названием «Агарак».

ухающие цветники, подобно тому, как круг глаза окружает зрачок. Многочисленные виноградники представляют как бы густые, красивые ресницы, причем кругообразное положение северной стороны совершенно походило на брови прелестных дев. С южной же стороны ровные поля напоминали красивую гладкость ланит, а река своими двумя высокими берегами изображала как будто две губы. И это прекрасное расположение мест как будто глядело неподвижно — прямо на царскую резиденцию на возвышенности. Это был поистине плодородный и царский дастакерт»¹. Так представлял себе историк Мовсес Хоренаци на рубеже V—VI вв. дастакерт Еруанда (Еруандуни—Еруандакерт) в пригороде Еруандашата.

Таким же дастакертом первоначально являлся город Тигранакерт. Город вырос недалеко от дастакерта, который, судя по свидетельству Аппиана, находился вне городских стен. По сообщению Аппиана, «в предместье города он [Тигран II] воздвиг дворец с большими парками, с охотничьими ловами и озерами. Рядом было воздвигнуто сильное укрепление»². Такое же характерное сообщение сохранил Фавст Бузанд в рассказе о постройке Аршаком II (345—367 гг.) города Аршакавана. «В это время государь построил для себя дастакерт в долине, называемой Ког-гавар»³. Чтобы быстрее заселить местность, он дарует ему право убежища. В результате этого, по словам историка, город быстро заселился. «А место это превратилось в аван, затем в город, который увеличился и расширился и заполнил всю долину. Затем царь Аршак издал приказ назвать дастакерт по своему имени Аршакаваном; построили там также царские дворцы»⁴.

Дастакерт, будучи частновладельческим земельным хозяйством, имел свои пашни, огороды, сады и особенно виноградники. Короче говоря, это были крупные хозяйства. Судя по сообщениям дошедших до нас источников, непосредственные производители, работавшие в дастакертах, обозначаются термином *taḡau çarraj*.

Мовсес Хоренаци, сообщая об обстоятельствах воцарения Арташеса I, между прочим говорит о том, что после убийства главного жреца Еруаза, брата Еруанда, последнего представителя древнейшей правящей династии Айрарата—Оронтидов—Еруандуни, царь Арташес подарил 500 *çarraj*—рабов, которые были захвачены в крепости Багарана, спаряету Смбагу Багратуни. По словам историка, после убийства Еруаза, «захватив все сокровища Еруаза вместе с пятьюстами рабов и с лучшими сокровищами храма, представляет их Арташесу, который дарует Смбагу рабов Еруаза...» В дальнейшем историк прибавляет, что «Смбат рабов Еруаза, взятых в плен в Багаране, отводит и поселяет за [вершиной] Масиса, называя этот дастакерт также Багараном» (II, 48)⁵. Кроме рабов, в дастакертах поселяли также военнопленных, которых, разумеется, также обращали в рабов. Тот же Мовсес Хоренаци сохранил следующее известие. «Первую жену Аждахака Ануйш и многих дев от его семени вместе с юношами и множеством других пленных — числом более десяти тысяч — поселил [Тигран] за восточным хребтом великой горы до предслов Гохтна, т. е. в Тамбате, в Оскиохе, Дажгуйнке

¹ Мовсес Хоренаци, История Армении, II, 42; цитируем в переводе акад. Я. А. Манандяна, ук. соч., стр. 5. Ср. перевод Н. О. Эмина, История Армении Моисея Хоренского, М., 1893, стр. 92.

² Аппиан, Митридатовы войны, 84, ВДИ, 1946, № 4, стр. 273.

³ Фавста Бузанда, История Армении, кн. IV, гл. 12, Венеция, 1889, стр. 109 (на древнеармян. яз.).

⁴ Там же, стр. 110.

⁵ Пер. Н. О. Эмина (стр. 97) с некоторыми изменениями.

и в других дастакертах, расположенных у берега реки, из которых одна называется Вранджуник, насупротив крепости Нахчавана»¹.

Для нашей цели не лишен интереса и тот момент, что армянская историческая традиция возводит возникновение дастакерта к периоду царствования династии Еруандуни — Ороитидов (316—199 гг. до н. э.).

Дастакерты являлись собственностью царя, знати и жрецов. Обыкновенно царь за те или иные услуги награждал своих приближенных из знати и жречества дастакертами вместе с жившими там рабами. Обычно дастакерты становились наследственным достоянием этих лиц. В начале IV в., когда для укрепления центральной власти аршакидские цари Армении создавали духовное сословие, они руководствовались тем же принципом царских дарений. После принятия христианства все богатства и земли вместе с их производителями — храмовыми рабами — гиеродулами были переданы церкви. Так, например, после разрушения храма богини Анаит в Арташате царь Трдат III и Григорий Просветитель, по словам А г а ф а п г е л а, принадлежащее храму имущество «Дастакерты и спасаворов (т. е. гиеродулов), вместе с жрецами и их землями и межами, принесли в дар для служения спасаворам (в данном случае: церковным служителям)» (гл. 108, 781). Упомянутые здесь *спасаворы* (спасавог-г), буквально «служители», являются храмовыми рабами-гиеродулами, которые так называются в отличие от рабов хозяйств светских лиц — *царрай*. Поэтому служба гиеродулов обозначается термином *тагауджун врасавогидеан*, *царрайутюн спасаворутян*, в отличие от службы обыкновенных рабов *i sətkað kargi tağauiðjun* и *стркац карги царрайутюн* — буквально «служба в рабском разряде».

В другом месте А г а ф а н г е л сообщает: «И селение (Тордан) со всеми дастакертами и межами [Трдат III и Григорий Просветитель] подарили во имя служения церкви» (гл. 109, 784).

Дастакерты могли отбираться царем обратно, что видно из статьи 20-й соборных постановлений Алуэнского собора: «20. Мужы азаты, по ка да ст а к е р т ы п р и н а д л е ж а т и м, да не имеют права лишить сана иерея без [санкции] епископа [т. е. епархиального начальника]...»² В этом свидетельстве соборного постановления V или VII в. обращает на себя внимание тот факт, что *азаты* — люди из сословия всадников — получают дастакерты во временное владение. Это вполне понятно.

Суммируя сказанное о дастакерте, мы приходим к выводу, что различия между агаракон и дастакертом не было³. Но по своему происхождению эти термины различны. *Агарак*, так же как неразрывно с ним связанный термин *мшак* или *мушак*, наличествует в армянском и грузинском языках и должен восходить к общему этническому субстрату. Термин же *дастакерт* в армянский язык проник сравнительно поздно из парфянского Ирана и вошел в употребление наряду с *агаракон* как его синоним. Это могло случиться в период усиления в Армении парфянского влияния, т. е. в период утверждения династий Аршакидов, с какого времени в практике государственного управления наряду с местными армянскими терминами вошли в употребление также термины парфянские, вскоре прочно утвердившиеся в армянской лексике.

Термин *агарак* встречается лишь в ранних армянских и грузинских литературных памятниках, а *дастакерт* встречается также в еврейских

¹ Пер. Н. О. Эмина (стр. 44) с некоторыми изменениями.

² «История Агван Мойсея Каганкатвази», пер. К. П а т к а н ь я н, СПб., 1861, стр. 69.

³ Интересно, что встречаемый в армянской версии Притч Соломона (гл. 24, 5, 27) термин «дастакерт» в грузинской версии передан термином «агарак».

и пехлевийских источниках, что дает нам возможность проверить данные армянских источников и уточнить смысл таких, например, терминов, как *царрай*.

В вавилонском Талмуде передается рассказ от имени Иошуи бен Леви, жившего в III в. н. э. в Сирии. Из этого рассказа узнаем, между прочим, о *dasqartâ*, которое представляет собою большое поместье с обширными земельными угодьями и которое продается вместе с обрабатываемыми эти земли рабами¹. Таких *dasqartâ d'-avde*, т. е. поместий или поселений с рабами, было особенно много в Месопотамии и Сирии. Это были пашни и виноградники, обрабатываемые преимущественно рабами. О масштабах этих хозяйств нам дает представление следующий рассказ, передаваемый в Талмуде. Талмудисту Тарфону, жившему в конце I в. и в первой половине II в., был задан вопрос: «Кто богат? Кого надо считать богатым?» Тарфон ответил: «Всякий, у кого имеется 100 виноградников и 100 полей и 100 рабов, которые обрабатывают их». В другом месте мы читаем: «Молотили их раб его и рабыня его из не-евреев»².

Все крупные землевладельцы, в первую очередь высший духовный и гражданский глава еврейской общины — эксиларх и члены его рода, выступают владельцами этих поместий *даскарта* с огромным числом рабов. Раб не только эксплуатировался господином в своем хозяйстве, господин очень часто передавал его за вознаграждение тем рабовладельцам, в хозяйстве которых в период полевых работ ощущалась потребность в рабочих руках. В таком случае, раб сдавался в наем на сельскохозяйственные работы вместе с рабочим скотом³.

Свидетельства еврейских источников, помимо сказанного, имеют значение и в том смысле, что они относятся к первым трем векам нашей эры и подтверждают армянские свидетельства о существовании дастакертов с рабами в Армении в эллинистическую эпоху.

Более позднего происхождения — пехлевийский источник, восходящий к VI столетию н. э. Речь идет о сасанидском судебнике *Mâtîkân ê hazâr dâstâstân*⁴, который представляет собою сборник юридических казусов, кодифицированных при Хосрове I Ануширване (531—579 гг.). Источник этот мало известен и не популярен в науке, между тем как привлечение его имеет решающее значение для изучения общественного строя не только доарабского Ирана, но и Армении и Грузии доарабской эпохи.

В упомянутом «*Матикан е хазар дастастан*» часто встречается термин *dast-kart дасткарт* — как поместье, как обрабатываемая земля и вообще частновладельческое хозяйство (ук. изд., XIII, X + 11 + 14; XXI, 10, 11 = стр. 229)⁵. Дасткарт упоминается как *хвâstak хвастак*, т. е. имущество, а владеющее этим имуществом юридическое лицо, имеющее право распоряжаться имуществом, фигурирует под термином *хвâstak-dâr хвастакдар*. Отсюда отвлеченное понятие *хвâstak-dârîh хвастакдарих* — «хвастакдарство».

В армянских и грузинских источниках термин *хостак* (армян.)//*хвастаг-и* (грузин.) также имеет значение «имущество», в узком смысле слова —

¹ Ю. А. Солодухо, Значение еврейских источников раннего средневековья для истории Ближнего Востока, СВ, II (1941), стр. 39.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «The Laws of the ancient Persians as found in the «*Mâtîkân ê hazâr dâstâstân*» or «The Digest of a thousand points of laws» translated with introduction, glossary and index by Sohrab Jamshedjee B u l s a r a, M. A., Bombay, 1937. Указанием на этот источник мы обязаны проф. М. М. Дьяконову.

⁵ Упоминается *dast-kart ô karma дасткарт о карма* «дасткарт с виноградниками», там же, ХХIX, § 24, стр. 477.

«земля» или «скот», а встречаемый в Сюнике термин *хостакдар* имеет те же значение, что и в вышеприведенном пехлевийском судебнике.

Согласно «*Матикан е хазар датастан*», владельцами дасткарта являются различные состоятельные лица. В числе владельцев дасткарта упоминается семья или дом (*dûtak*) начальника сельской общины (*katak-xûtâê*), откуда позже *кетхуда*), причем юридическим лицом выступает его жена (*katak-bâruk*) (ук. изд., XXIV, X + 5 = стр. 309). Характерно, что собственником дасткарта является вся семья. Дасткарт принадлежит всему роду, а не отдельно индивиду, но юридическим лицом выступает старший в роде, в данном случае жена начальника сельской общины. Конечно, подобные патриархальные отношения сохранялись в деревенском, общинном быту. Иным было положение среди господствующего класса крупных землевладельцев — знати и жрецов.

Основными производителями в дасткарте являются рабы, фигурирующие под терминами *hûstôik* *хуштоик*, *bandak* *бандак*, *anšahrik* *аншахрик*. Последний термин в армянских источниках передается в форме *anašahrik*¹.

Дасткарт, как имущество, продается, отдается в дар², завещается³, закладывается⁴ и т.д., но во всех случаях вместе с живущими там основными производителями — рабами.

Как видим, данные сассанидского судебного целиком и полностью согласуются с талмудическими данными, а те и другие, в свою очередь, соответствуют армянским данным. При этом они дают возможность найти точный смысл термина *царрай*. Этот термин имеет много значений: «подчиненное лицо», «нижестоящее лицо», «слуга», «вассал», «серв» и, наконец, «раб». В контексте с дасткартом проф. Х. Самуэлян вполне правильно понимает *царрай* как раба, в то время как акад. Я. А. Манандян переводит этот термин менее определенным «серв», понимая под ним вообще зависимого человека. Приводимые нами данные еврейских и пехлевийских источников не оставляют сомнения, что в армянских источниках там, где речь идет о дасткартах, термин *царрай* должно понимать в смысле раба — непосредственного производителя дасткарта — частновладельческого хозяйства, поместья.

Некоторое представление о правовом положении рабов дасткарта дает тот факт, что они относились к числу инвентаря большого хозяйства и не могли отчуждаться отдельно от него. Как утверждает Х. Самуэлян, владельцы поместья «могли дасткарт продать или дарить, но во всех случаях они продавались и дарились вместе с прикрепленными к этому хозяйству подлинными производителями, рабами»⁵. В свете этих положений делается понятным сообщение Страбона о храмовых рабах Каппадокии.

Страбо́н (XII, 3,34) приводит интересный факт о том, что в период, когда в Каппадокии верховным правителем был Помпей, последний назначил Архелая главным жрецом. Кроме священной земли, Архелая для личного пользования был отведен «кусочек области в два скойна в окружности, что составляет шестьдесят стадий, и жителей этой части земли

¹ «Книга Канопов», см. постановления Алуэзского собора, Тифлис, 1914, стр. 196 (на древнеармян. яз.).

² «*Матикан е хазар датастан*», ук. изд., XLII, § 41, стр. 541. При дарении, если в этом дасткарте есть рабы (*hûstôik*), то они остаются в том же положении.

³ Там же, X + 114, стр. 585. Умирающий завещает дасткарты сыну и дочери.

⁴ Там же, XXI, 11, стр. 229. Дасткарт отдается в заклад (*gigob*, армян. *gəgav* и грузин. *giga*), и лицо, получающее его во временное распоряжение, обязано заботиться об урожае и общем состоянии дасткарта.

⁵ «История древнего армянского права», стр. 298.

[Помпей] подчинил его управлению. Он был их правителем и полным обладателем храмовых служителей [гиеродулов], живших в том городе [речь идет о городе Комана], и не имел только права продавать их» (подчеркнуто нами. — С. Е.).

В этом сообщении обращает на себя внимание то обстоятельство, что лицо, получившее землю с ее населением, обязывалось не продавать этих людей, так как в противном случае такая земля без сидящих на ней непосредственных производителей теряла свою ценность. В случае продажи этих людей пошатнулось бы экономическое благосостояние храма. Этот принцип распространился также и на частновладельческие хозяйства. В случае продажи или дарения частновладельческой земли, работающие на этой земле рабы, подобно остальному инвентарю хозяйства, не могли отчуждаться, а продавались или отдавались в дар вместе с землей. Об этом факте, как мы видели, свидетельствуют также древнееврейские и пехлевийские источники. Это и понятно: в условиях сильной сельской общины частновладельческое хозяйство, лишенное рабов, теряло всякую цену, так как других источников рабочей силы в этих условиях не было.

В рассмотренных нами источниках мы видим, что под дастакертом понимается всякая частновладельческая земля — недвижимое имущество, имение. Это может быть маленькое хозяйство — пахотное поле, фруктовый сад, виноградник или имение, большая латифундия с пашнями, садами, с усадьбой или замком со всеми службами и земельными угодьями, вокруг которого со временем вырастает крупное поселение — селение или город¹.

Все предпосылки роста и превращения в городское поселение и в крупный городский центр, прежде всего, конечно, имели царские дастакерты, особенно в тех случаях, когда они были расположены на большой торговой магистрали. В таком случае дастакерт представлял собою не только центр сельскохозяйственного производства в больших масштабах, но и центр ремесла и торговли. Царь или крупный владетель из знати и духовенства поселял в своем дастакерте ремесленников и купцов, предоставляя им определенные права и привилегии — «по праву горсжан» (*est raumani qalaqakanañ*). Характерным примером в данном случае является постройка храма и поселения Звартноц.

Недалеко от города Вагаршапата, на большой дороге, ведущей из этого города в Арташат и Двин, католикос Нерсес III Строитель (641—661 гг.) построил свою резиденцию Звартноц — знаменитый соборный храм и патриарший дворец со всеми службами, окружив все поселение стенами. Как правильно замечает акад. Я. А. Манандян, это была усадьба — дастакерт, в котором Нерсес III поселил многочисленное население на льготных условиях — «городских началах»². Интересные сведения о строительстве Звартноца сохранили армянские историки Себеос (VII в.) и Иоаннес Драсханакертци (IX—X вв.).

Себеос пишет: «В это время католикос Нерсес задумал построить себе место жительства вблизи святынь церквей, в городе Вагаршапате, на той дороге, по которой, по преданию, царь Трдат вышел навстречу св. Григору. Тут же он построил церковь во имя небесных бдящих, тех небесных сил, которые явились во сне св. Григору. Церковь он построил высокую, достойную божественной славы, которой она была посвящена. Он провел туда воду из реки, возделал каменистые места, посадил виноградники и деревья и обвел жилое место великолепной и высокой стеной

¹ В Армении до сих пор можно встретить селения, носящие название Дастакерт.

² Акад. Я. А. Манандян, Проблемы общественного строя доаршакидской Армении, стр. 4.

во славу Божию»¹. Еще бóльший интерес для нас представляют сведения Иоаннеса Драсханакертци.

Патриарх Нерсес, по словам историка, «вокруг дивного храма, который им же был построен, обвел стену, закрыв и укрепив его. Построил внутри его жилые здания для себя, из толстых тесаных камней. А также поселил там семейства из черни на правах горожан (*amboxiðjunəs erdumardað əst raymani qalaqakanað*). Он провел туда воду из реки Касах, возделал все песчаные и каменистые места и посадил виноградники и сады-цветники»².

Храм Звартноц, со всем комплексом жилых зданий, включая упомянутую историками стену, раскапывался и изучался покойным архитектором Торосом Торамяном. Сделаны все обмеры и составлен план поселения, который дает нам наглядное представление о том, что собою представлял дастакерт как поместье. Пример Звартноца относится к периоду (VII в.), когда в Армении господствующим являлся феодальный способ производства, и возможно, что в этом поместье рабы не играли ведущей роли, может быть, их и вовсе не было там, так как никаких сведений о них мы не имеем. Но зато мы имеем любопытное известие о том, что в дастакерте Звартноц были поселены крестьянские дымы (*erdumarð*) «на правах горожан», т. е., поселившись в Звартноце, они получили привилегии городских жителей. Нам известно, что в городах такими привилегиями могли пользоваться купцы и ремесленники, из чего можно сделать предположение, что эти крестьянские дымы, получившие права горожан, занимались ремеслом и, вероятно, торговлей, а сельскохозяйственными работами занимались какие-то менее привилегированные слои населения, о которых мы не имеем сведений.

Свидетельство о поселении владельцем дастакерта людей «на правах горожан» имеет большое значение для выяснения вопроса о том, на каких социально-правовых основаниях поселяли в городах Армении Тигран II (95—56) и Артавазд II (56—34) насильственно переселяемых жителей эллинистических городов Малой Азии, Сирии и Месопотамии.

Нам известно, что Селевкиды, переселяя жителей из старых городов в новооснованные, представляли им определенные привилегии как царским купцам и царским ремесленникам³. Такими же правами должны были пользоваться и те жители городов Каппадокии, которые поселялись Тиграном II и Артаваздом II в городах Армении. Пережитком этого порядка уже в условиях раннефеодального общества и является засвидетельствованный Иоаннесом Драсханакертци факт поселения жителей в дастакерте на правах горожан.

Этот факт любопытен и в другом отношении. Когда строилась усадьба со всеми службами, то с ними неразрывно были связаны жилые дома непосредственных производителей рабов-земледельцев, а также ремесленников и купцов, поселяемых на правах городских жителей. Это был готовый комплекс жилищ, в которых и поселялись все категории населения. Этим положением и обусловлена архитектура таких поселений — «городов», которые представляли собою единый комплекс сооружений. Таким был «город» древнего рабовладельческого Востока — Месопотамия, Урарту, Хорезма и т. д. Раскапываемый проф. Б. Б. Пиотровским урарт-

¹ «История епископа Себеоса», гл. X, III, русск. пер. С т. Малхасянца, Ереван, 1939, стр. 101.

² Иоаннеса Драсханакертци История Армении, Тифлис, 1912, древнесармян. текст, стр. 88.

³ См. Н. В. Пигулевская, Угасающий Вавилон, «Уч. зап. ЛГУ», сер. истор. наук, вып. 9, (1941), стр. 45—46.

ский центр Тейшебаини (Жармир-Блур) представляет собою именно такой единый комплекс сооружений — «город» с жилыми кварталами, построенный одновременно по единому плану, как это сообщил нам начальник раскопок Б. Б. Пиотровский и сотрудничающий с ним архитектор К. Л. Оганесян. Такую же картину являет собою «город» древнего Хорезма по раскопкам С. П. Толстова¹. Вот в этом аспекте и следует подойти к Звартноцу — поселению, представлявшему собой пережиток седой древности, сохранившийся в условиях феодального общества. Ведь не случайно, что в том же Звартноце и в других местах Армении находятся урартские надписи, которые сообщают о постройке царем дворца, проведении канала, оживлении безводной местности, о садовых и виноградных насаждениях. Отсюда делается понятным термин *дастакерт* — «рукой построенный», т. е. местность, оживленная, освоенная человеком, земля, превращенная в плодородное поле, и т. д. Следует думать, что в тот отдаленный период, когда военная знать только выделялась из сельской общины, эта знать с санкции верховного собственника земли — восточного деспота осваивала и оживляла втуне лежавшие земли, на которые не распространялось право владения сельских общин. Такая втуне лежавшая освоенная земля и делалась частновладельческим хозяйством, в котором основными производителями выступали рабы, поскольку членов сельской общины, как царских земледельцев, знатные не могли заставить работать в своих частновладельческих хозяйствах. Со временем там обосновывался сам землевладелец, и местность становилась уже поселением и даже городом. Такую эволюцию прошли агараки и дастакерты в древней Армении.

Таким образом, дошедшие до нас источники дают нам возможность утверждать, что в дофеодальной Армении, т. е. в эллинистическую и позднееллинистическую эпоху (IV в. до н. э. — IV в. н. э.), правящая династия, военно-рабовладельческая знать и жречество, имели частновладельческие хозяйства — агараки и дастакерты, в которых основными производителями являлись рабы. Каковы же были источники рабства?

Даже при наличии скудных сведений мы имеем возможность выяснить основные источники рабства. Прежде всего об этом говорит сохранившаяся терминология. Рабы по своему происхождению делились на две основные категории — *ындоцин* (буквально: «доморощенный») и *awtagatin* (буквально: — «чужеродный»). К категории *ындоцин* относится и *алахин* *алахин*, означающий на поздней стадии вообще «рабыню», «женщину-рабу». Генетически *алахин* восходит к урартским временам, когда *алх*-ом называлась кровнородственная семья и *алахин* буквально означало «принадлежащая *алх*-у», т. е. роду, фамилии, племени.

Таким образом, существовала категория рабов, рожденных в семье или в роде господина; это наследственные рабы, часто происходящие от сожителства свободного члена общины с рабыней. Это патриархальное рабство восходит к седой древности; участь *ындоцинов* и *алахинов* была более легкая, из них состояла обычно домашняя челядь².

Термин *ындоцин* встречается преимущественно в армянском переводе Ветхого завета в двух чтениях: *ändotin* и *äntotin*; в греческом тексте ему соответствует термин *οἰχογενής* «домочадец», «рожденный в доме», «доморощенный раб». В грузинском переводе Библии армянскому *ындоцин* и греческому *οἰχογενής* соответствует *saḫlis tuli* (*сахлис цули*). Только

¹ С. П. Толстов, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 113—123.

² См. С. Т. Еремян, Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху, ИАН Арм. ССР, 1948, № 11, стр. 35—36, 54. См. также Х. Самян, История древнего армянского права, стр. 284—285.

в одном случае (Левит, 22, 11) армянскому *əntotin* соответствует грузинское *mona мона*, т. е. «раб».

В книге Бытия (17, 12) *индоцин*-у противопоставляются рабы прочих категорий под общим термином *awtaratin автарацин*, т. е. «чужеродный», «чужеземец», «иноплеменник». К этой категории относились рабы — *sətruk струк* и рабы — *artađagin арцагаин*.

Термин *струк* первоначально обозначал военнопленного, превращенного в раба. Эта категория рабов преобладала над остальными, поэтому *струк* в армянском языке сделалось общеупотребительным термином для обозначения раба, причем мужчины-раба, что вполне понятно, так как военнопленными обычно были мужчины.

Наиболее обычным источником пополнения кадров рабов была война. Существовал определенный порядок дележа военной добычи и военнопленных, о чем свидетельствуют дошедшие до нас известия армянских источников доарабского периода. Каждый военачальник и воин доставшихся на его долю военнопленных должен был дарить царю, полководцу, храмам, различным высокопоставленным лицам, а остаток оставлял себе. Конечно, оставшуюся часть военнопленных он мог либо продать на невольничьих рынках, либо пополнить ими состав работников своего частновладельческого хозяйства.

Защитники старых положений, отрицающие наличие в Армении рабовладельческого общества, обычно приводят тот довод, что якобы после падения империи Тиграна II, когда Армения превратилась в зависимое государство и больше не вела завоевательных войн, прекратился постоянный источник пополнения рабов. Но они совершенно не учитывают тот момент, что в древнем мире Армения славилась как страна, поставлявшая наилучшую конницу, что Армения не платила Римской империи никакой дани, но обязана была участвовать со своими военными контингентами в военных походах римлян. Армянское феодализирующееся общество даже выработало специальную систему содержания «азатской конницы». Денежная и натуральная субсидия — *roṭik роцик*, выдаваемая армянской коннице римской казной, позже сохранялась и при Сассанидах и при арабах, вплоть до прихода к власти Аббасидов в 750 г., когда они отменили этот порядок.

Армянская конница, участвовавшая в походах римлян, Сассанидов, а позже — арабов, обычно возвращалась с добычей и военнопленными. Таким образом, после падения империи Тиграна II основным источником пополнения рабов стали военнопленные, достававшиеся армянским всадникам в результате их участия в военных походах иноземных завоевателей. Для иллюстрации к сказанному мы приведем только два свидетельства.

Мовсес Хоренаци, как известно, составляя свою «Историю Армении», широко использовал дошедший до него эпос и фольклор армянского народа и в приводимых скурых отрывках сохранил человечеству жемчужины народного творчества. Он приводит сказание о царе Арташесе, в котором обобщены образы как Арташеса I, так и Тиграна II и Трдата I, первого аршакидского царя Армении.

Согласно этому сказанию, во время одного из набегов алан армянский царь Арташес со своими витязями изгнал вторгшегося врага из пределов Армении; при этом армянами был взят в плен и приведен к Арташесу аланский царевич. Царь аланов, продолжает сказание, «просил мира, обещая дать Арташесу, чего он пожелает, и заключить с ним клятвенные обещания, чтобы отныне юноши аланские не делали набегов на Армянскую страну». Арташес, однако, отказался исполнить просьбу аланского царя

выдать его сына. Тогда сестра взятого в плен аланского царевича, царевна алан Сатеник¹, приходит на противоположный берег реки и «через толмачей гласит в стан Арташеса»; слова ее переданы народным сказителем-певцом — «гусаном» в форме песни:

- 1 К тебе речь моя, храбрый муж Арташес,
- 2 К тебе, победитель храброго народа аланов,
- 3 поди согласишься со мною,
- 4 прекрасноголазую дочерью аланов,
- 5 и выдай юношу,
- 6 ибо не след у потомков богов,
- 7 мести ради, отнимать жизнь
- 8 или держать их в рабском унижении
- 9 и [тем] питать вечную вражду
- 10 между двумя храбрыми народами².

Однако приведенный здесь перевод Н. Эмина не совсем точен. Мы обратим внимание лишь на строки 6—8:

*Zi vasən mioy qinu wođ ey awreyn dewđazanđ
Zaylođ dexđazanđ zarmiđ barnal zkendandyun
Kam tarayeduđanelov ev i sətarkađ kargi pahel,..*

*Ибо мести ради не следует дюцанам³
Отнимать жизнь [человека] из другого зарма⁴ дюцанов.
Или обратить в царрай и держать их на положении струков.*

Как показали исследования Я. А. Манандяна⁵, в Аршакидской Армении ниже всех социальных слоев находились те, которые несли службу (tarayudjun) на положении рабов-струков (i sətarkađ kargi tarayudjun). Иначе говоря, в этом положении находился наиболее бесправный слой непосредственных производителей струков или царрай-ев, т. е., как сказано выше, рабов.

Возвращаясь к нашему отрывку эпического сказания, мы видим, что, говоря о взятом в плен аланском царевиче, сказитель употребляет то же выражение: tarayeduđanelov i sətarkađ kargi pahel, что буквально переводится следующими словами: «поработив, держать [его] в разряде рабов», или «сделав царрай, держать его в карге [разряде] струков [рабов]».

Из этого отрывка ясно видно, что всех военнопленных, даже знатного происхождения, обращали в рабов — струков. Эти данные особенно ценны тем, что, как доказано исследователями, эпические сказания, приводимые Мовсесом Хоренаци, относятся к периоду до изобретения армянской письменности, т. е. до начала V в., а указанный эпос об Арташесе сложился не позже I в. н. э.

Другое характерное свидетельство относится к эпохе Сассанидов и восходит к более древней — эллинистической эпохе. Крупнейшая фигура армянской «школы эллинофилов», ученый VII столетия А н а н и я Ш и р а к а ц и, в числе других сочинений написал также задачник для

¹ См. В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, стр. 42.

² История Армении Моисея Хоренского, кн. II, новый перевод Н. Эмина, М., 8931, гл. 50, стр. 98—99.

³ «Богорожденным» или «потомкам богов».

⁴ Т. е. фамилии, принадлежащей к знатным родам.

⁵ Я. А. Манандян, Феодализм в древней Армении, Ереван, 1934, стр. 156—157.

учащихся школ Армении той эпохи. В задаче № 21 он приводит следующий характерный пример:

«Нерсех Камсаракан, сын Аршавира¹, тезка и предок этого Нерсеха, победив в войне бахлучей [т. е. белуджей], берет чрезвычайно много пленных [geri — пленный]; достигнув царского двора (durēn arquni), преподносит он персидскому царю (ḡagaworin parsīš) половину пленных и, исчислив половину, дарит также сыну царя (ordwoy arqayī) седьмую часть, и, простившись с ним, он возвращается в свою страну, прибыв в дом гарикпета (i tun garikpeti), он был весьма им возвеличен не как нахарар, а как некий царь, и дает ему восьмую часть пленных; прибыв к спайапету, именуемому спайапетом Хорварана (spayapetēn ḡoravarānāy), и, будучи еще более возвеличен, дает ему четырнадцатую часть пленных; проехав еще, достигает он своей страны, и выходит к нему навстречу его младший брат Храхат; и ему он дает тринадцатую часть пленных; когда он еще проехал вперед, ему навстречу выходят армянские азаты (azatq hayoḡ), и он дает им девятую часть пленных; прибыв в Валаршапат, он дает святым церквям шестнадцатую часть пленных; когда явился его старший брат Сахак, он дает ему двадцатую часть пленных; и осталось у него пятьсот семьдесят душ. Итак, узнай, сколько всего их было»².

В приведенном тексте, в мастерском переводе И. А. Орбели, дана реальная обстановка Сассанидского государства на рубеже V—VI вв. Один из армянских влиятельных нахараров — Нерсех Камсаракан со своим ополчением участвует в войне Сассанидов против белуджей. Победив это племя, участник похода Нерсех Камсаракан вернулся с огромным числом пленных, которых он раздавал, соответственно рангу и занимаемому положению в Сассанидском государстве, высокопоставленным лицам: «царю царей», наследнику престола, высшему чиновнику, начальнику публичных работ — гарикпету того военно-административного округа Сассанидского государства, в состав которого входила в тот период Марзпанская Армения. Дорога от местопребывания гарикпета (вероятно, в Гандзаке, столице Атрпатакана — Азербайджана, недалеко от юго-восточного побережья озера Урмия) через нынешний Келишинский перевал вела в Месопотамию, которая составляла другой военно-административный округ Сассанидского государства — qustak i ḡorvaran. Здесь Нерсех Камсаракан часть пленных преподнес главноначальствующему военными силами этого округа — спайапету Хорварана. Из северной Месопотамии, вероятно, через горный проход Дзора-пахак (нын. Битлисский проход) Нерсех Камсаракан прибыл в Марзпанскую Армению. Здесь часть своих пленных он передал прибывшему навстречу младшему брату Храхату, а дальше (вероятно, около столицы — Двина) «ему навстречу выходят армянские азаты», т. е. вельможи двора марзпана — наместника Армении. Им он также дает часть пленных, а затем — собору Эчмиадзина и другим церквям Валаршапата. Отсюда Нерсех Камсаракан дошел до границ своих владений — Ширака и Аршаруника; здесь его встретил старший брат Сахак, танутэр фамилии Камсараканов, который также получил часть пленных. Когда Нерсех Камсаракан прибыл домой, в его руках осталось 570 душ пленных. Конечно, приводимые цифры здесь преувеличены, но важно не это, а порядок раздачи пленных, обычай, несомненно, восходящий к более древнему периоду, чем эпоха Сассанидов.

¹ Аршавир Камсаракан — один из вождей освободительной войны против сассанидского Ирана в 450—451 гг.

² Вопросы и решения вардапета Анапия Ширакца, армянского математика VII в. Издал и перевел И. А. Орбели, Пгтр., 1918, стр. 49—50.

Кроме войны, источником рабства был обычный порядок приобретения рабов и рабынь — купля на рынке человеческого товара¹. Рабы этой категории обозначались термином *арцатагин*, т. е. «купленный за серебро». В источниках часто упоминается *artadagin ałaxin арцатагин алахин* — рабыня, приобретенная серебром, т. е. за деньги.

Труднее поддается определению происхождение рабов категории *мшак*. Генетически армян. *мшак*//грузин. *мушак* восходит к семитическому *мушкену*, означающему «музик», «простолюдин»². Возможно, что это закабаленные общинники, по той или иной причине попавшие в рабство. Во всех случаях работник, работавший в частновладельческих хозяйствах, кем бы он ни был — свободным ли общинником, издольщиком или рабом — обозначался термином *мшак*. Более общим термином для обозначения раба являлось слово *царрай*, происхождение которого неизвестно.

В число рабов попадали также исключенные из общины люди. Человек, изгнанный по тем или иным причинам из общины и оказавшийся вне ее, назывался *randuxt пандухт* или *pəjdeh ныждех* и считался парием. Такой человек стремился пристать к какому-нибудь роду, хотя бы на кабальных условиях, лишь бы это давало ему право на более или менее сносное человеческое существование.

Наконец, следует упомянуть храмовых рабов, которые, по всей видимости, обозначались термином *спасавор*. В источниках сохранились сведения об обширных храмовых землях. В Армении существовали богатейшие на Востоке храмы с обширными земельными владениями. Известна, например, целая область, которую по имени знаменитого храма богини Анаит армяне называли *Anahitakan Анаитакан*, греки *ἡ Ἀναΐτις χώρα*, (римляне — *Anaitica*, иначе армяне называли ее *Ekeleəθ Екелеац*, греки и римляне — *Ekelesenae*, грузины — *Ekleə-i Эклеци*). Это «священная земля». На ее обширных пастбищах, по сообщению Плутарха (*Lucull.*, 24, е 2—8), паслись коровы особой масти, посвященные богине. Эти храмовые владения были наиболее устойчивыми и консервативными и восходили, в ряде случаев, к доармянской эпохе. Они удержались и в эпоху христианства. В области Анаитакан//Екелеац, например, еще в эпоху Страбона жили остатки хеттов, называемые им катаонами; они представляли собою замкнутую касту жрецов, обслуживавших храм Анаит. Эта же территория после принятия христианства сделалась наследственной собственностью патриаршего дома Григория.

В храмовых хозяйствах широко применялся труд рабов — гиеродулов (спасаворов). Это были большей частью рабы, близкие по своему положению к закрепощенным земледельцам, и лично обслуживавшая жрецов домашняя челядь. Число храмовых рабов постоянно увеличивалось. После каждой войны значительный процент захваченных военнопленных царь жаловал храмам.

Подытоживая наши сведения о происхождении отдельных категорий рабов и вообще подневольных людей, мы видим, что до нас дошла довольно богатая терминология для обозначения рабов: *ындоцин*, *алахин*, *автарацин*, *струк*, *царрай*, *мшак*, *арцатагин* *спасавор*, *пандухт*, *ныждех* и т. д.

Итак, на данном этапе изучения разобранных нами вопросов можно утверждать, что в эллинистическую эпоху в Армении существовали частновладельческие хозяйства — агараки и дастакерты, в которых глав-

¹ Торговцы невольниками обозначались термином *vatarakan-q mardagin-q вачараканк мардагинк*.

² См. ВДИ, 1947, № 1 (19), стр. 263.

ную роль играл труд рабов различных категорий. Экономическая и политическая мощь армянской знати в эллинистическую эпоху была обусловлена эксплуатацией рабского труда, поэтому по своей социальной природе эту знать надо отнести к военно-рабовладельческой знати. В этот период рабовладельческий уклад являлся ведущим прогрессивным укладом. Рабовладельческий уклад был доминирующим в эллинистическом городе Армении. Но наряду с ними в деревне существовал старый отживающий свой век первобытно-общинный уклад в образе сельской общины, которая в силу своей консервативности и застойности замедляла переход к античным производственным отношениям.

Но позже, по мере перехода «царской земли» в личное распоряжение армянской знати, сделавшейся фактически наследственными собственниками этих территорий, находившиеся на них сельские общины стали феодально-зависимыми деревнями, превратившись из тормоза развития античных производственных отношений в фактор, ускоряющий процесс феодализации эллинистического общества. Процесс перехода от рабовладельческих отношений восточного типа к развитому рабству греко-римского типа в Армении не был завершен в силу все более усиливающегося прогрессивного — феодального уклада. Таков был конец всех эллинистических обществ стран Востока.

